

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

**ПРОЕКТ
«ОБОРОТЕНЬ»**

Странник

Андрей Земляной
Проект «Оборотень»

«Лениздат»

2007

Земляной А. Б.

Проект «Оборотень» / А. Б. Земляной — «Лениздат»,
2007 — (Странник)

В ходе операции на Африканском континенте, майор ГРУ находит таинственный перстень, который положит начало череде удивительных событий. Из защитника своей родины, он становится защитником жизни на Земле. Схватки с воинством тьмы и прорывающимся в наш мир злом, и выбор который он делает пожертвовав своей жизнью ради спасения остальных. Но души воинов бессмертны и новая жизнь в ином теле и на другой планете снова приведет его к выбору. И не важно, что на стороне врагов супертехнологии мира ушедшего далеко вперед. Сердце воина не позволит остаться в стороне когда идет война, а честь подскажет где враги а где друзья.

© Земляной А. Б., 2007

© Лениздат, 2007

Содержание

1	6
2	11
3	12
4	14
5	17
6	19
7	21
8	23
9	28
10	29
11	31
Круг второй. Прелюдия	32
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Земляной Проект «Оборотень»

С самого начала я хотел бы извиниться перед теми, кто не найдет своего имени в этом списке. Но если бы я написал его полностью, то места для книги не осталось бы.

Но я помню вас. Всех кто читал мои первые пробы, критиковал и помогал сделать текст лучше.

Но ничего не было бы без моего папы. Земляного Бориса Яковлевича и мамы Каримовой Ренин Камаевны. Самые лучшие Папа и Мама на земле, они научили меня всему в жизни. Я помню вас.

Во вторую очередь хотел бы поблагодарить писателей Вадима Давыдова, Иара Эльтерруса, Юрия Ивановича и особенно Игоря Поля. Их дружеское внимание и поддержка в разные моменты моей жизни сильно мне помогли и помогают сейчас.

И своих друзей Виталия Смагоринского, Михаила Русина, и свою любимую жену Натальюшку, а так же многочисленных внимательных и строгих читателей и писателей Мошковского СамИздата. Именно их дружеское подталкивание в спину, заставило меня писать больше.

На свете есть много вещей, насчет которых разумный человек мог бы пожелать остаться в неведении.

Эмерсон

1

Шесть человек в грязно-зеленых комбинезонах прорубались сквозь зеленое месиво джунглей, не щадя ни длинных зазубренных клинков, ни сил. Буквально на пятках у них висели, как минимум, пять групп преследователей, желавших только одного – догнать и уничтожить тех, кто сжег дотла шедевр высоких японских технологий и основу благосостояния маленькой центральноафриканской страны – завод по очистке героина. Вместе с заводом начисто сгорела и база Военно-воздушных сил державы. Составляли ее два легкомоторных самолета Cessna и три древних «вертушки» Chinook. Их списали с вооружения USAF бог весть сколько лет назад, и до последнего времени они стояли рядышком на бетонке аэродрома, как на выставке. Расправа с базой только добавляла преследователям энтузиазма.

Группа, ухидившая от преследования, не имела знаков различия, документов, национальности и даже имен. Французский спутник, осуществлявший мониторинг этой территории в рамках программы разделения зон ответственности, транслировал на землю только короткие кодовые пакеты, расшифровать которые не представлялось возможным. Так что они могли быть и немцами, и англичанами, и даже американцами. Хотя, впрочем, нет. Слишком жестко группа отрывалась от преследования.

А те шестеро, на которых делались многочисленные ставки в Центре слежения на Рю ди Маржери в тихом пригороде Лиона, на короткое время остановились. Командир группы одним движением выдернул нанесенную на прочный пластик карту и расстелил ее на коленях. Потом вынул радиокompас и, сверив координаты и направление, жестом подозвал одного из спутников.

– Змей, смотри! – он ткнул пальцем в карту. – Здесь и здесь нас наверняка ждут. Войска из Анбо и Нгаты если переброшены, то вот тут их и разместили. По болоту мы не пройдем, на реке уже все кишит от патрулей. Остается только сюда...

– На горное плато? – недоверчиво хмыкнул тот, кого назвали Змеем. – Хочешь взобраться и вызвать «вертушку»? А черные за нами не ползут? А, Паш?

– Ну, горы не джунгли, – резонно заметил Паш, он же подполковник Павел Сидельников, командовавший группой в этом сомнительном предприятии. – Сильно там не повоюешь...

Змей, он же майор по прозвищу Змей, некоторое время внимательно рассматривал карту, словно уже мысленно штурмовал эти горы, и, задумчиво почесав лоб, произнес:

– Вот только...

– Что «только»?

– Гляди: вся карта точнехонькая, можно в лупу разглядывать. – Он провел ладонью по гладкому листу пластика, словно сметал невидимые крошки. – А здесь, – ладонь сжалась в кулак прямо над районом небольшого плато, примыкавшего к горной системе, – как будто кто поверх сетку натянул! Так, одни общие очертания.

– Да я вроде эту карту еще на корабле получил, – с сомнением протянул Павел. Он сложил карту и стал заталкивать ее в карман куртки.

– Ладно. На месте разберемся.

– Это так же, как в Сирии? – саркастически заметил Змей. – Много мы там наразбились!

– Есть варианты? – сухо осведомился подполковник. И, получив в ответ отрицательное покачивание головой, скомандовал, повысив голос:

– Попрыгали, волки!

Офицеры диверсионной группы «Изумруд» УСО ГРУ, привыкшие за годы службы ко всему, преодолели стометровый скальный подъем практически с ходу. Но никто не ожидал того, что они увидели на плато в густом переплетении тропической зелени. Покинутый много

лет назад город, почти полностью разрушенный джунглями и дождями, сохранил свое величие, несмотря ни на что.

Полуосыпавшиеся, но все равно прекрасные скульптурные изображения давно забытых богов и чудовищ, тонкие колонны, поддерживавшие когда-то высокие, а ныне просто обвалившиеся своды, поражали красотой и изяществом резьбы. Многие куски стен еще сохраняли фрагменты штукатурки с цветными росписями. Из крошечного фонтанчика на заросшей травой площади сочилась прозрачная, чистая вода. Пораженные открывшимся зрелищем, матерые волки войны разбрелись по забытому городу, словно школьники на экскурсии. Сам подполковник первым делом подошел к фонтанчику, сунул в воду серебристый карандаш портативного анализатора, дождался, пока загорится зеленый огонек, и, удовлетворенно хмыкнув, наполнил флягу до краев чистой прохладной водой.

Задумчиво прихлебывая из горлышка, Сидельников отошел в сторону и, наткнувшись глазами на кусок красочной росписи, остановился.

На фреске была девушка в длинном, до пят, красном платье. Видимо, роспись изображала некий ритуальный танец. Партнером девушки был тщательно выписанный дракон. Не менее странным было также то, что лицо девушки, ее руки и ступни ног были белыми. Удивительно, если учесть, что фреска находилась почти в центре африканского континента.

Красиво, конечно, но сначала – дело. Нажав на тангенту передатчика, Паш коротко бросил в микрофон:

– Третьему – эфир.

Почти сразу из зарослей выскочил капитан Сойкин по прозвищу Шило – радист группы.

– Там плешка, типа площади. Так я туда. Йес?

– Хрен с тобой, пошли до плешки.

Через две минуты, установив через спутник связь с подразделением, которое должно было выдернуть их из джунглей, они узнали, что вертолет по куче причин будет только к утру...

Собрав группу, Павел распределил задачи. Истратив последние гранаты и мины, они превратили небольшой кусочек города в относительно неприступный бастион. Постепенно возбуждение от первых минут знакомства с затерянной цивилизацией стало спадать. Наконец практически все, кроме часовых, вырубилось, забывшись коротким тревожным сном.

Лишь Змею не спалось в этом археологическом раю. Он все ворочался с боку на бок, вспоминая совершенно нетронутую временем статую, изображавшую девушку, почти подростка, привставшую на цыпочки, с веткой пальмы в протянутых руках. В ней начисто отсутствовала женская притягательность, во всяком случае, для майора, предпочитавшего гораздо более сформировавшиеся фигуры. Но была в ней какая-то... мольба, что ли. Немая, непонятная и тем страшная.

– Паш? – окликнул он командира.

– Ленка, чего не спишь? Твоя вахта аж к утру.

– Да тревожно чего-то. Пойду, пройдусь...

Самое удивительное, что он почти не соврал. И к желанию вновь увидеть тонкую фигурку девочки из серого гранита примешивалось какое-то неясное щемящее предчувствие. Предчувствие, не раз спасавшее всю группу от самых изощренных ловушек.

Видимо, подполковник вспомнил именно об этом. Тяжело перевернув свое могучее тело на другой бок, со старческим кряхтением он выдавил:

– Ладно, погуляй. И не геройствуй там. Все...

И тут же заснул снова.

Змей вздохнул. Все так все. Пошелкав клавишами на пульте управления, он переключил радио на маячок, передававший на командирскую рацию его биометрию. Если с ним не дай бог чего случится или просто прервется связь, его, может, и не вытащат. Но резкий писк

в командирском шлеме наверняка поднимет группу раньше, чем гипотетическая опасность успеет сотворить какую-либо пакость.

Бесшумно, словно призрак, он скользил по развалинам покинутого города, временами останавливаясь, и, словно прислушиваясь, внимательно оглядывался вокруг. Кто были эти люди? Почему построили свой город в таком неудобном месте? Почему ушли? Куда?

А вот и девочка со своей веткой тянется вверх. Ночь, расцветенная в сине-зелено-оранжевые цвета нашлемного блока ночного обзора, совершенно явственно рисовала ее фигурку ярко-оранжевого цвета. Он стянул перчатку и посмотрел на ладонь. Цвет такой же интенсивности, как и у него, кстати. То есть, переводя на общедоступный язык, это означало, что у статуи температура человеческого тела.

Он нагнулся, дотронулся до постамента. Холодный. Как и следовало ожидать. И на лицевом стекле-экране он «холодного» синего цвета. А скульптура?.. И тут он резко одернул от нее руку, словно прикоснулся к раскаленной стали. Статуя была согрета тем мягким человеческим теплом, которое поддерживает гудящая в наших жилах живая кровь.

Змей воровато оглянулся, наступил одной ногой на постамент и, зацепившись правой рукой за свисавшую лиану, подтянулся так, что его голова оказалась вровень с лицом статуи.

На каменном лице, которое пощадило время, из черных глазниц блеснули живые человеческие глаза...

За много лет войны майор научился не бояться никого и ничего. Но тут и его стальные нервы дали сбой. Чудовищным усилием воли он заставил себя остаться на месте и еще раз внимательно посмотреть ей в глаза.

Ее зрачки, казалось, показывали на нечто за его спиной. Скосив глаза, он почувствовал, как что-то надвигается из темноты леса прямо на него. Все, что он делал потом, было просто проявлением профессионализма, помноженного на опыт.

Змей мягко отпрыгнул в сторону, одновременно опустив бронестекло шлема и сбросив с плеча АН-93, затем он перекатился и встал на правое колено. Чуткие микрофоны шлема доносили до него многократно усиленные шумы ночного леса, а по листве скользил невидимый без специальной оптики зайчик лазерного целеуказателя. Он помедлил долю секунды, а потом сунул руку в кармашек разгрузки, нашарил бронебойную гранату и зарядил подствольник. Даже не предполагая, что может скрываться в темных зарослях, Змей не без основания полагал, что бронебойная граната, протыкавшая даже легкий танк, запросто разнесет черепушку неведомого супостата.

Вдруг заросли расступились. Тяжело ступая по проросшим травой плитам, из темноты вылез, другого слова не подберешь, настоящий монстр. То ли диплодок, то ли тиранозавр (с криптозоологией у Змея всегда были проблемы) метров десяти ростом. Он стоял, крутя головой на толстой шее и разыскивая противника.

Ухнув, «скорпион» отправил гранату прямо в объемистое брюхо реликтового зверя. Чешуйчатая костяная броня, которую не брали ни стрелы, ни мечи доисторических охотников, и даже пули более поздних неудачников оставили на ней только несколько царапин, вломилась внутрь, раздирая своими острыми гранями мягкое нутро динозавра. Чешуйки еще подрагивали, застряв в виде многочисленных осколков в его внутренностях, когда сработал самоликвидатор гранаты.

Сначала тело ящера на долю секунды раздулось, словно шар, а потом из пробоины в брюхе хлынула струя темной жидкости и каких-то ошметков. Обратной отдачей зверя толкнуло назад, и он завалился в заросли, раздирая ветки и хрустя собственными ломающимися костями.

Змей постоял еще какое-то время, ожидая продолжения атаки, но все было тихо. Он мгновенно перезарядил гранатомет, сменил автоматную обойму на бронебойную, и, не торопясь, стал поджидать спешащих к нему друзей.

– Ну? – спросил командир группы.

Вместо ответа Леонид переключил целеуказатель на световой жгут и направил его в сторону неподвижно распластанной туши.

– Эт чо? – обалделым шепотом спросил подполковник, разглядывая поверженного зверя. – Они ж все вымерли. Вроде, – добавил он неуверенно.

– Теперь, наверное, да, – спокойно предположил Змей. – Слышь, Паш, надо бы глянуть. А вдруг еще не все вымерли?

– Чем ты его? – спросил Павел, рассматривая дыру в брюхе.

– Из подствольника. Бронебойной.

– И ведь затарился втихаря, тащил с собой... Ты что, с танками воевать собрался?

– Да так, на всякий случай прихватил. Видишь, пригодилось.

– Ну-ну, – хмыкнул Павел. – Шило, Крот! Аккуратно прочесать от двенадцати до трех. Змей и Сник – сектора от трех до шести. Я и Гор – на семь-десять. Связь в обычном режиме. Все, как всегда. Попрыгали!

Без шума и шелеста группа растворилась по секторам. Осмотр не мог быть долгим. Само плато представляло собой крошечный уступ, примыкавший к двухтысячметровому пику. Шедший со Змеем параллельным курсом капитан Карин, или просто Сник от английского snicker, сосредоточенно сопел, скользя сквозь плотные заросли лиан. Змей сделал еще пару шагов и остановился. Черный провал темноты был ясно виден даже сквозь плотное переплетение зелени.

– Подземный ход на пять.

– Понял, – коротко отозвался Паш.

– Сник, подстрахуй! – бросил Змей своему напарнику и начал аккуратно стравливать веревку, опускаясь в черный провал подземелья. Когда ветки расступились и пропустили его, автоматически включилась инфракрасная подсветка, и в черно-зеленом свете показалось обширное помещение. Все стены, пол и даже потолок были покрыты матово мерцавшими плитами из какого-то металла. Из дальнего перехода отчетливо завоняло. Даже беглого обзора было достаточно, чтобы понять: именно тут находилось лежище неведомо как уцелевших реликтовых животных. Зверей, похоже, было два. Второй где-то бродил. Змей только было собрался доложить об этом командиру, как в шлемофоне кто-то крикнул:

– Справа! – И через паузу в несколько секунд: – Все, отбежался... Здесь Шило. Командир! Есть второй.

– Ребята, не расслабляться! Могут быть еще.

– Нет, Паш, – встрял Змей. – Я тут лежку нашел. Их, похоже, всего двое тут ютилось.

– Продолжать поиск! – тоном, не терпящим возражений, произнес командир.

Ну, продолжать так продолжать.

Через десяток шагов ход неожиданно уперся в высокие, выше человеческого роста массивные двери. Две драконьи морды на них держали в пасти кольца. Сомнительно, конечно, что дверь вот так просто откроется. Сколько лет прошло. Все же Змей потянул за одно кольцо. Неожиданно мягко, но тягуче медленно из-за огромного веса, дверь пошла вперед. Заклинив дверь ножом в косяке (мало ли чего там наворотили древние строители!), Змей шагнул вперед.

Как ни странно, свет в помещении был. Несильный и какой то мерцающий, но все равно свет. Это Змей понял по тому, как неожиданно все вдруг обрело краски. Отключился оптоэлектронный усилитель, переводя псевдооптику шлема на обычный режим.

Он сделал еще шаг и медленно обернулся, переводя дыхание. Центр зала, точно выписанный геометрический круг, окружали драконьи морды с широко раскрытыми пастьями. Искусно вырезанные из камня, они, казалось, вырастали из самих стен подземелья. Можно было разглядеть даже бугры мышц под чешуйчатой шкурой.

Змей шагнул ближе и, приблизив голову к одной из драконьих морд, увидел невероятной красоты перстень с зеленым кабошоном идеальной сферической формы. Он лежал на остром языке глубоко в драконьей пасти. Начитавшийся в свое время достаточно литературы о похождениях различных искателей приключений, Змей отчетливо представлял, что именно может последовать за попыткой достать перстень. Поэтому он вынул боевой тесак с широким листообразным лезвием и накрепко вогнал в пасть, заклинив таким образом возможную ловушку.

Аккуратно, словно работая с минной закладкой, он просунул руку в пасть и мягким движением взял кольцо, а на его место водрузил пистолетный патрон. «Ну не электронные же весы у них там, в самом деле?» – успел он подумать перед тем, как, противно хрустнув, распалась хваленая патентованная сталь тесака *Smatchet*. Но свою задачу он все же выполнил, дав Змею долю секунды, чтобы выдернуть руку из ловушки. Только вот один из зубов дракона все-таки зацепил руку, пропоров и Гор-Текс, и термозащиту, и даже кевларовую подкладку, и оставил на руке длинную кровоточащую борозду.

Зашипев от неожиданной боли, Змей потянулся было к аптечке, как резкий хруст со стороны двери заставил его обернуться. Скрежетал сминаемый массивной дверью нож. Одним прыжком проскочив между дрожащих от напряжения и никак не могущих сомкнуться створок – «Это тебе не железо! Металлокерамика, блин!» – Змей рванул к выходу, не дожидаясь новых сюрпризов.

Остаток ночи до прихода «вертушки» прошел без происшествий. О найденном в пасти дракона кольце Змей благоразумно умолчал, считая свои долги Родине уплаченными еще на заре лейтенантской юности. Правда, совершенно неожиданно воспалилась царапина на руке. И как результат, после возвращения на базовый корабль Змей загремел в медотсек.

2

За сутки воспалительный процесс охватил весь организм. Его постоянно пичкали какими-то лекарствами и даже травами, благо начальником медчасти оказался целый доктор медицинских наук. Но все было тщетно. Змей все чаще и чаще проваливался в забытие, постепенно теряя контакт с окружающим миром.

В одну из ремиссий, очнувшись и сообразив, что находится уже не на борту крейсера, а в нормальной палате, он услышал голоса, неясно доносившиеся из соседней комнаты. Абсолютно незнакомые люди вели беседу, и, немного напрягшись, он смог различить слова, произносимые старчески скрипучим и смертельно усталым голосом.

– Вы, батенька, просто отказываетесь меня понимать!

Шелест.

– Смотрите сюда. Это обширнейшая опухоль. Затронут практически весь мозг. И не только. Метастазы по всему телу. Своего рода уникальный случай. Инфекционный рак. Сколько ему жить, я не знаю. Может, неделю, может, месяц. Но он практически мертв. Только его могучий организм дал ему возможность продержаться так долго...

И вновь неразличимое «бу-бу-бу».

– Нет, и нет! Какая операция? Вы что, предлагаете ему весь мозг удалить? Самое лучшее, что вы можете сделать – это отпустить его помирать, оплатив все возможные расходы. Я не знаю, на Канары там, или еще куда. По опыту я знаю, у него будет короткая ремиссия перед окончательным ухудшением. Несколько дней... Не знаю. Но сейчас ему нужнее священник, чем все ваши игры в секретность.

Что ответил его собеседник, Змей снова не расслышал. Но старик был непреклонен:

– Мое мнение вы знаете. И учтите, начальник медицинской службы проинформирован. Так что делайте выводы.

Умирать, конечно, было совсем не сладко. Но Змей не жалел себя. Он славно пожил. Видел такое, что нормальному человеку не увидеть и за сто жизней. Его любили женщины и уважали друзья. А жизнь... Так ведь рано или поздно все равно умирать. Плохо, конечно, что придется загнуться от какой-то тропической хворобы, но, в конце концов, не все ли равно как? Искомый результат все равно один.

3

Из Конторы не уходят. Эту истину ему доходчиво разъяснили еще тогда, когда его, зеленого курсанта учебно-боевого центра, пригласили на собеседование в строевую часть. И вот теперь, полулежа в удобном кресле генеральской «чайки», летящей в аэропорт, Змей с горечью осознавал, что, сам того не желая, стал основателем прецедента. Перед отъездом он пытался связаться с ребятами, но никого не оказалось на месте. Или топчут палубу перед очередной «прогулкой», или, что вернее, парятся в каком-нибудь закрытом санатории курортно-тюремного типа. Бассейны, девушки и колючая проволока с тремя кольцами охраны. Правда, охраняли не от тех, кто изнутри, а от тех, кто снаружи, но это слабое утешение.

Аэробус «Аэрофлота» доставил его в город, где он родился и вырос. Прямо из аэропорта, где уже ждала новенькая «Волга», его привезли пред ясные очи местного губернатора.

Губернатор был неподдельно любезен и учтив. Это, наверное, сам Канцлер ему позвонил и чего-то такого наговорил, что безраздельный хозяин окрестных весей разве что себя не предлагал столичному гостю.

Змея уже начинало подташнивать, как бывало перед очередным приступом, и он, прервав губернаторские словоизлияния, просто и коротко изложил суть дела:

– Виктор Александрович! Мне не нужна квартира или дом. Я хочу просто пожить в глухомани. Без телефона и телевизора. Желательно, чтобы кто-нибудь присматривал за мной. Старичок или бабушка. И все. Тихий дом, и ни одной живой души вокруг!

Губернатор внезапно просиял лицом, как будто угадал сокровенное желание Императора, и проникновенно воскликнул:

– Есть! Именно то, что вам надо. Роскошный старик, бывший профессор истории, живет один на заброшенном хуторе. Он у нас вроде местной достопримечательности. У него большой дом, бывшая барская усадьба, так что места хватит. Хотите отправиться прямо сейчас?

– Если можно...

Пока губернатор улаживал проблемы, Змей успел удалиться в туалет и, справившись с очередной волной тошноты, сделал себе укол прямо сквозь штанину.

Через четыре часа по тряской дороге «лендровер» губернаторских конюшен доставил его к облупившимся воротам бывшей усадьбы. Миновав развалины, они подрулили прямо к двухэтажному, все еще крепкому дому из красного кирпича. На автомобильный сигнал из дома степенно вышел высокий и плечистый, почти под два метра ростом, старик, одетый в заношенный китель без знаков различия.

– Валерь Игнатьич, принимайте гостя! – сказал, вылезая из машины, молодой крепыш, сидевший на месте рядом с шофером.

– Это кто гость, – проскрипел старик. – Ты, что ли?

– Не я, – делано рассмеялся парень. – Вот, из столицы привез!

Змей сделал попытку открыть дверцу, но долго сдерживаемый приступ навалился с неотвратимостью тайфуна, и все пропало.

Очнулся он уже под вечер, в небольшой и чисто прибранной горнице. Широкая постель, застланная белоснежными хрустящими простынями, была явно сработана в прошлом веке. «На такой кровати богатырей зачинать», – подумал он вяло, перекатываясь на бок. Страшно хотелось пить. Леонид глазами поискал какую-нибудь емкость, не нашел, встал, преодолевая вязкую дурноту, и пошел к дверям.

В просторной гостиной на первом этаже было пусто. Но стоило ему ступить на скрипучую лестницу, как неведомо откуда появился старик и птицей взлетел по ступенькам.

– Эк ты подхватился. Захотел куда? – участливо спросил он, подставляя свое костистое плечо под руку Змея.

Пересохший язык ворочался с трудом, и Змей смог только прошептать:

– Пить...

– Пить это мы сейчас, – засутился старик, бережно сводя его по лестнице. Усадив его за широкий стол, он исчез ненадолго, а когда появился, перед Змеем стоял большой глиняный кувшин и такая же кружка. Прозрачная карминно-красная жидкость прохладным потоком полилась по пищеводу, и, отдышавшись немного, он благодарно посмотрел на старика. Змей хотел что-то сказать, но новый приступ смыл его в беспмятство.

Когда он вновь очнулся, перед его кроватью стоял небольшой столик для карточных забав, судя по остаткам зеленого сукна, некогда устилавшего его поверхность. Но теперь на почерневшем от времени дереве красовался давешний кувшин и кружка, до краев наполненная клюквенным морсом.

«Господи, как же он меня дотащил! – покаянно подумал Змей. – Во мне же без малого килограмм сто. Хотя нет, теперь, наверное, поменьше».

И кривая усмешка исказила его рот.

4

Возвраты в реальность становились все короче. Но вместо мутной пустоты забытья появился странный бред. Полусон-полуявь, тонкая грань между светом и тьмой стала заполнять его мозг.

Какие-то медведи и волки наполняли его бред невнятной, но деятельной возней. В эти моменты мучавшая его боль постепенно отступала. Несколько раз сон был настолько ярким, что запомнился вплоть до запахов и звуков. Тогда ему показалось, что его погружают в огромное корыто с пахучими лесными травами и ягодами, и сладкий сок словно вытягивает из его тела черный яд.

Кошмары закончились резко и внезапно. Он вынырнул из забытья в реальность, когда его окунули в ледяную воду. Он рванулся, пытаясь освободиться, но старик держал его на удивление крепко.

– Ты, мил человек, никак помирать собрался?

«Мил человек» тем временем шумно отплевывался и вяло отбивался от новых попыток засунуть его под бурлящую струю небольшого лесного водопада. Вода была холодная, как лед, и упоительно пахла свежестью и лесом.

– Ты, что, старик, уморить меня решил до срока?

– А срок твой уже давно весь вышел! – И старик зашелся странным клекочущим смехом. – Ты же, почитай, вторую жизнь живешь.

– Давно я так?

– Шестой месяц пошел.

– Странно. Доктора больше месяца не обещали.

– Ну и хрен с ними, с докторами.

Старик проворно отскочил к большому плоскому валуну, на котором бесформенной кучей лежала одежда.

– На вот, – он протянул ее Змею. – Одевайся.

Через некоторое время, когда они уже подходили к дому, старик участливо спросил:

– Ну, как?

Змей прислушался. Вместо тягучего черного комка, к которому он привык за время болезни, внутри его тела гудела нормальная размеренная жизнь. Шелестела селезенка, переминалась, очищая кровь, печень, и ровно, словно нефтяной насос, ухало сердце. Похоже, предсмертная ремиссия, о которой так заботливо предупреждали доктора, все-таки совершилась.

– Хорошо, – ответил Змей на вопрос старика. И почти про себя добавил: – Жаль, не надолго...

– Ну, надолго или нет, – засмеялся старик, – это тебе решать.

– Это как? – поспешил уточнить не любящий неясностей Змей.

– Потом, потом, – старик замахал руками. – Пока спать. Нынче ночью нам не до сна будет.

Ты ведь не из пугливых? – поинтересовался он как бы мимоходом.

– Да вроде не замечалось.

– Вот и отлично.

Проснулся Змей резко и сразу. Он буквально кожей чувствовал, как вокруг дома собирается нечто. Черная мгла, сочившаяся из окон, дышала злом и ненавистью. И не человеческой ненавистью за что-то и к кому-то, и даже не дьявольской. Злом без цвета. Ко всему, в чьих жилах течет кровь, а не черный песок.

Змей беззвучно встал и бесплотным облаком скользнул к дверям. Как раз в это время дверь рывком распахнулась.

– Не прячься, я тебя вижу.

Странно покачиваясь, на пороге стоял Валерий Игнатьевич. Лицо его было блее снега, а руками он обнимал себя за плечи, будто не давая вырваться чему-то изнутри.

– Времени у меня мало. Так что слушай. – Он гулко и протяжно закашлялся. – За мной пришли.

– Кто?

Он снова закашлялся или рассмеялся. Не разобрать было в этом клекочущем звуке, который вырвался из его горла.

– Если хочешь увидеть, то держись поближе к окну, но не выходи и не открывай двери.

– Ясно, значит, вас там убивать будут, а я смотреть? – спросил Змей со злой иронией.

– Я сделал для тебя все, что мог. У тебя, возможно, ремиссия, и если будешь экономить жизнь, то проживешь еще месяц-два. Я примерно догадываюсь, какая у тебя болезнь. Но вылечить тебя мне не под силу.

Он остановился, набирая дыхание, и продолжил:

– Если дождешься Зарги, то он тебя залатает. Но он придет только через два месяца. Это твой единственный шанс.

Неожиданно Змей широко улыбнулся.

– Валерий Игнатьевич, да ну их на хрен, все эти шансы. Это, может, последняя драчка в моей жизни, а вы собираетесь лишить меня этого развлечения? Нет. Так не пойдет.

Вместо ответа старик бессильно махнул рукой и, пошатываясь, пошел прочь.

Змей секунду постоял, соображая, что теперь делать, и метнулся к своему чемодану. Легкие, почти невесомые черные брюки из текрона и такая же рубашка. Не фотохромный комбинезон, конечно, но... Главное лежало на дне, заботливо завернутое в масляную тряпочку и полиэтилен.

Beretta – 93-AF/A. Nightmare. Почти ручная работа. Штука, которую Змей взял бы с собой даже в могилу. Так, на всякий случай. А вот выходит, что пригодится аппарат.

Сбруя привычно легла на плечи мягкими плотными ремнями. Затем лазер. Большая обойма встала на место с мягким щелчком. Пять запасных в кармашках под левую руку, на всякий пожарный, и патроны россыпью, совсем уж на крайний случай. Туго скрипнул уплотнитель глушителя, и коротко мигнул рубиновым пятнышком зайчик целеуказателя. И перстень... На всякий случай.

Попрыгали?

Беззвучной тенью Змей спустился в холл. Там, кроме танцующих на стенах отсветов от каминного огня, никого не было.

Змей уже дал команду мышцам на движение, когда мгновенный блеск на стене заставил его остановиться. Кто видел блик лунного света на оружейной стали, тот знает, что спутать с чем-нибудь другим его невозможно.

Вот и Змей не спутал.

В полутемной нише, на подставках из черного дерева, покоился меч японской работы. Настоящая, знакомая Змею с бурной юности катана, и вакидзаси в черных полированных ножнах.

И прошел бы Змей мимо этих великолепных убийц, черными рыбками притаившихся в тени глубокой ниши, если б не зеркальная гладь сюрикена, словно медальон, подвешенного на тонкой цепочке.

Как из рук монарха, принял Змей меч на ладони. Правая рука сжалась на рукояти и пошла в сторону.

С тонким звенящим шелестом из ножен потек тонкий сверкающий ручеек стали. Змей качнул меч, проверяя баланс, и легчайшее, словно крыло бабочки, лезвие завибрировало, предвкушая свежую кровь.

Уже не раздумывая, Змей нагнулся за сложенным здесь же поясом и, повязав его прямо поверх ремня, вложил сначала катану, а потом и вакидзаси.

Чувствуя себя готовым сразиться хоть с целым полком, Змей распахнул входную дверь и от неожиданности замер.

Спиной к нему, прямо на каменных ступеньках крыльца, сидел огромный белый медведь. Не успел Змей хоть как-то отреагировать, как тот с густым рыком обернулся, и Змей с внезапно похолодевшим сердцем узнал на огромной, покрытой белым мехом голове зверя глаза Валерия Игнатьевича.

Медведь что-то невнятно рыкнул, качнув огромной башкой, и снова отвернулся к поляне. И хотя рык его был вполне медвежьим, что-то вроде «Сгинь!» почудилось Змею в его голосе.

Не обращая на это внимания, Змей сместился немного в сторону, не выпуская медведя из поля зрения. Тут его поджидал второй сюрприз.

Перед крыльцом, полукругом, стояли странного вида люди в длинных черных балахонах числом около тридцати. Один из них, наверное, старший, что-то неразлично гудел низким вибрирующим голосом. Похоже, он ругался, а медведь отвечал ему хриплым рыком. Шерсть на медведе стояла дыбом, и Змей почти физически ощущал, что зверь готов броситься в драку. В руках тип в черном небрежно держал что-то неразлично блеклое. Змей с яростью и брезгливостью узнал ребенка. Скорее всего, это девочка. Она была мертва. Голова ее была вывернута под таким углом, какого у живого никогда не бывает.

Несмотря на всю бредовость происходящего, Змей вел себя так, как вел бы в любой похожей ситуации. Занял наиболее удобную для атаки точку, проверил, не перекрывает ли директории атак партнера, которым он назначил этого медведя со странными, ярко-синими, почти сапфировыми глазами, и окинул взором поле конфликта.

5

Что за орлы столпились перед широким барским крыльцом, Змей не знал. Но выглядели они серьезно. Длинные черные плащи, скрывавшие их фигуры, лежали мягкими тяжелыми складками, словно были сделаны из хорошей кожи или толстого шелка. Лиц почти не было видно из-под глубоких капюшонов. Что они за бойцы, разобрать было нельзя из-за статичности поз. Но почему-то драться с ними не хотелось. От каждого исходила такая гнусь, что возникало желание поскорее отойти и вымыться.

Пока Змей разглядывал визитеров, луна, занимавшая, кажется, полнеба, наконец полностью вышла из-за туч и засияла так, что стало видно каждую травинку. И, несмотря на легкую ночную прохладу, лучи ее жгли кожу Змея сильнее пустынного солнца.

Вдруг на поляне начались перемены. Змей только успел подумать «Опа!», как медведь поднялся во весь свой огромный рост и качнулся вперед, стоя на задних лапах.

Восприятие, переключившееся на круговой режим, четко фиксировало и трехметровую тушу медведя с огромными когтями, и резко распавшийся полукруг черных плащей, и две серые тени в кустах у ворот.

Капюшоны полетели в сторону. Змей увидел гладкие безволосые черепа и мертвые пустые глаза. Гости подняли руки, и стало видно, что каждый их палец заканчивается устрашающего вида сверкающим когтем.

Как прыгнул первый, Змей даже увидеть не успел. Медведь заревел во весь голос, и со всей силы припечатал лапу к земле так, что звякнули стекла в доме. Только между лапой и землей было что-то еще. Не без основания Змей предположил, что там один из черных плащей. Причем вместе с хозяином. Медведь все рвал и рвал поверженное тело. А в это время к нему метнулись еще двое...

По меркам своего подразделения Змей стрелял не так, чтобы очень. На твердую четверку. Но эта оценка, стоившая в нормальной жизни, может, мастерского разряда, а может, и выше, не помешала ему всадить две пули прямо в то место, которое находилось между ушами чужака.

Голова незадачливого плащеносца еще катилась по траве, когда и второй, разрезанный почти пополам очередью из «беретты», красиво крутанулся в предсмертной агонии и рухнул на землю. Тридцать патронов были отстреляны менее чем за десять секунд, и пустыми гильзами упали в траву вместе с двенадцатью трупам.

Но сменить обойму Змей уже не успевал. Правая рука вбила «беретту» в кобуру и, скользнув немного ниже, плавно подхватила шершавую рукоять меча. Веер сверкающей стали рассек очередного врага от бока до плеча. Не останавливая движения по дуге, Змей развернулся, и ему только оставалось немного подправить направление, чтобы сонная артерия нового врага выбросила в воздух туманно-серое облако. Последнего злодея из этой компании Змей уже не успевал достать никак. Откинувшись назад и пропуская удар, он увидел мелькнувшие над головой когти огромного волка, выскочившего словно из-под земли. Страшного вида пасть сомкнулась на горле черного воина. Крутанувшись всем телом, волк одним движением оторвал ему голову напрочь.

Тело, словно забыв о болезни, работало, как идеально отлаженный механизм. Ритм боя захватил Змея. Черные плащи нападали парами и пытались навалиться всем скопом, но результат был все тем же.

Увидев впереди спину медведя, Змей тоже повернулся к нему спиной. Теперь их было четверо. Замыкали их круг два огромных волка. И хотя они припадали к земле, холка каждого была почти вровень с плечом совсем не низкорослого Змея. А вокруг безмолвной, едва колыхающейся массой стояли оставшиеся враги.

Вдруг один из волков, не сводя настороженного взгляда со сгрудившейся вокруг нежити, завыл, начав с низкой вибрирующей ноты и, модулируя, повел ее вверх почти в ультразвук. В какой-то момент в его вой включился второй, а затем и медведь ответил грозным ревом.

Змей уже открыл рот, чтобы выкрикнуть что-то злобно-матерное. И тут его глотка исторгла длинный шелестящий звук, на мгновение перекрывший и медвежий рев, и вой волков. Как ни странно, именно после этого шелеста черных как-то передернуло, и они со всех сторон двинулись на стоявшую спиной к спине четверку.

Два клинка Змея слились в один сверкающий в свете полнолуния стальной веер. Мысли и чувства были где-то далеко, остался лишь легкий шаг танца смерти. Трава уже была скользкой от крови, когда один из черных, до поры неподвижно стоявший и безучастно наблюдавший, как его соратников кромсают на куски, медленно, почти лениво расстегнул плащ, и тот, скользя лаково-сверкающим водопадом по широким плечам, упал на землю. Он повернул темное лицо, на котором резко выделялись огромные сверкающие ртутью глаза, больше похожие на солнцезащитные очки, и безгубый тонкий рот. Сначала Змей подумал, что на нем надето нечто вроде бронжилета, но, присмотревшись, понял, что все тело врага покрыто плотными квадратными наростами.

Звякнула, опадая, пустая обойма. Клацнул затвор, отправляя в патронник патрон с черно-красной маркировкой. Но бронебойно-зажигательные пули жирными малиновыми искрами срикошетили в сторону, заставив черного лишь дернуть головой. Змей отбросил бесполезный пистолет и нырнул вбок. Длинный коготь проскользнул в миллиметре от гортани, а другая рука, изогнувшись под немыслимым для человека углом, вновь атаковала горло. С металлическим лязгом лезвие клинка и рука встретились. В тысячную долю секунды рука врага сжалась, схватив меч, и резким движением вырвала его из рук Змея. Короткий страшный удар, и свет выключился.

6

Очнулся Змей от нестерпимой боли. Все его тело словно терзали тысячи игл. Он открыл глаза и понял, что валяется в глубине двора, почти за сараем.

«Не слабо, однако, меня унесло».

Вокруг суетились уцелевшие в драке фигуры в черном. Змей попытался еще что-нибудь разглядеть, но яростная опаляющая боль застилала глаза. Последнее, что успел увидеть Змей, это лежащее недалеко неподвижное тело одного из спасших его недавно волков.

Бессилие, ненависть и боль захлестнули его разум волной огня. И в этой волне рождалось что-то новое, чему не было названия. Превозмогая дичайшую резь во всем теле и сковывающий мышцы могильный холод, напряжением всех сил он заставил повиноваться помертвевшее тело. По миллиметру, делая усилие над каждой сведенной болевой судорогой мышцей, он перевернулся на живот и подобрал под себя руки. Словно огромный маховик, неторопливо, но мощно, странный вихрь, зародившись где-то на правой руке, обволакивал все тело, отдаваясь непонятной ломкой болью в мышцах и потоками, пронизывающими тело от головы до ног. Пошатываясь, он встал, чувствуя и слыша, как еще невнятно, но уже по-новому отзывается тело и новая, чужая сила наполняет его до краев. Бьется изнутри во внешний слой физической оболочки и откатывается назад. Что-то словно выпирало наружу, а он сопротивлялся, как мог, пока не почувствовал, что может, если и не управлять этим вихрем, то, во всяком случае, сдерживать его.

Незаметно ушла боль, оставив только облако звенящей пустоты. Мягко, словно включаясь, ночь осветилась целым водоворотом феерических красок. Никогда не виданные им оттенки расцветили окружающий мир, заструились по всему телу. Он поднял руки к глазам и на мгновение был ослеплен хороводом темно-фиолетовых, оранжевых и перламутрово-красных огоньков, круживших на ладонях. Драконий перстень на правой руке сиял ярчайшим голубоватым светом, и было в этом свечении нечто победно-дерзкое. Что-то повернулось в его голове, и теперь он уже воспринимал происходящее на поляне по-другому. Черные фигуры вдруг перестали суетиться, и движения их стали плавными и неторопливыми, словно все происходило в воде. А когда Змей выпрямился и попытался сделать шаг вперед, он тоже почувствовал это невидимое препятствие. Он поводит рукой в воздухе и, ощущая бугорки клубившихся вихрей, внезапно понял, что это просто ветер. Он двигался с такой скоростью, что даже воздух был для него препятствием. И только голова была тяжелой и пустой, словно после серьезного застолья. Мысли даже не текли. Они вяло переваливались с боку на бок, лениво ковыляя в неизвестном хозяину направлении. Он поднес руку к глазам и тупо наблюдал, как из пальцев неторопливо и уверенно ползут, словно ростки бамбука, тяжелыми черными когтями, сверкающими в свете полной луны, отростки того самого вихря, который бушевал сейчас в его теле. Когти ему чем-то не понравились, и так же медленно они вновь втянулись в пальцы. Он с натугой повел ставшей вдруг неповоротливой шеей, и взгляд переместился к парадному крыльцу. Судя по диспозиции, «люди в черном» собирались сжечь старика заживо. Это следовало из сооружаемой над костром затейливой конструкции.

Даже не очень соображая, что делает, Змей медленно, как ему казалось, пошел навстречу врагам.

Колдуны, готовившие жертву к ритуалу, оторопело глазели на мутное облако, которое метнулось в их сторону, и вдруг оно, замерев на месте, оказалось вроде давно уже убитым противником. Один из колдунов, повинувшись команде, кинулся наперерез. Змей схватил его руками и поднял в воздух. Тело хрустнуло и обмякло. Но инерция злости была столь велика, что Змей напряг мышцы чуть сильнее и одним движением разорвал труп пополам.

Внезапно справа полыхнуло голубым светом, и в плечо ударило резкой ослепляющей болью. Змей рывком развернулся и, машинально удлинив руку почти на полметра, пробил окостеневшими пальцами хрусткую, будто тельце насекомого, гортань. Удерживая труп на весу, он медленно обернулся в ту сторону, откуда пришла боль.

Справа, держа наперевес, словно копье, сверкающий узорный шест, стоял колдун, вырвавший меч из его рук. Небрежно наброшенный на левое плечо плащ открывал мерцающие красноватым отблеском пластины на теле. Черный коротко взмахнул шестом, и с его навершия в живот Змею хвостатой спиралью ударил хлыст сине-голубого света. В этот раз и боль, и удар были намного сильнее, но это лишь окончательно разозлило Змея. Резким движением он ударил ногой вперед. Мышцы словно сами собой поджали все пальцы на ногах, кроме большого. И с оглушающим хрустом Змей насадил черного на мгновенно выросший полуметровый коготь. Не удовлетворившись зрелищем дергающегося на когте колдуна, он подтащил его поближе, глубоко вспахав подергивающимся телом траву. Нагнувшись, Дракон склонил голову к лицу врага. Но вместо длинной и не очень приличной фразы на чистом русском языке из его глотки вырвался сноп бешеного пламени, мгновенно превративший в пепел и колдуна, и несколько метров земли вокруг.

Последний из уцелевших попытался было спастись бегством, но ленивое, небрежное для оборотня, а на самом деле мгновенное, будто мысль, движение – и подобранная с травы пустая гильза пробила его насквозь, вылетев с кровавыми лохмотьями наружу...

7

После этой памятной ночи прошло еще полгода. В таежной тишине и уединении Змей, получивший новые способности, учился обращаться со своим телом. Ему вдруг открылся целый мир с неведомыми звуками и красками. Словно кто-то стер пыль с экрана. И зрение, оказавшееся намного совершеннее человеческого, и слух, улавливавший даже инфразвук зарождающегося над далеким океаном шторма, и, самое главное, способность синтезировать все это в ясные и понятные мыслеформы.

Потом появилось другое видение пространства. Стоило закрыть глаза и сконцентрироваться особым образом, как место, где он стоял, представало в виде странного двумерного отпечатка, зато эти отпечатки можно было листать, как страницы книги. Правда, только картинки прошлого отличались ясностью и четкостью деталей. Картинки же будущего были расплывчатыми и блеклыми, а при попытке заглянуть дальше вообще исчезали. Связано это было, естественно, с неопределенностью будущего. Старик называл это состояние «Кархи». И на все вопросы майора ограничивался только краткими указаниями, как сделать то или иное состояние более устойчивым.

Было еще странное и приятное открытие. Каждая вещь имела не только обычный, видимый всем облик, но и еще несколько, которые накладывались, словно отражение в полупрозрачном зеркале, и свой истинный облик, который порой кардинально отличался не только от верхнего, но и от нижнего.

Для Змея же, обретшего вторую жизнь, было упоением просто дышать. А уж то, что в результате непонятно чего он обрел новые возможности, было просто царским подарком. По ночам он носился с Волком, оказавшимся вовсе не тварью бессловесной, и с трудом приноравливал гортань под непривычный волчий язык. Волк показывал свой лес, представший перед Змеем единым организмом. Волк учил Змея не просто быть в нем своим, но жить одной жизнью с этим сложнейшим конгломератом сущностей.

Дни, заполненные разговорами с Валерием Игнатьевичем, тоже не проходили даром. Поворчав немного по поводу «оборотня непонятно во что», старик обстоятельно и подробно разъяснил, что и как теперь в жизни Змея изменилось окончательно и бесповоротно, а что, по его мнению, только на время. Потом началась странная и невероятная учеба. Старик делал какие-то непонятные движения и заставлял Змея повторять все в точности. Затем он что-то напевал или наговаривал и также принуждал запоминать и воспроизводить все до буквы. Змей относился к этому как к части лечебного процесса, но, чувствуя, что в теле включаются механизмы, о которых он и понятия не имел, начинал понимать, что дело не только в лечении.

Учеником Змей оказался хорошим. Спасала не только природная, практически абсолютная память, но и то, что он был психокинетиком. Змей запоминал любое движение не по его виду, а по сумме моторных биотоков чужого тела, которые он чувствовал, словно свои собственные. Возможно, из него мог бы получиться хороший хореограф. Но в детстве Змея главным навыком были не танцы, а умение драться.

И только тогда, когда все выученное стало частью рефлексов, ему открылся подлинный смысл этих манипуляций. Произошло это, когда он по просьбе старика пропел одну из заученных фраз, сопроводив весь этот вокализ сложной системой жестов. Воздух вокруг него неожиданно закружился плотным и тягуче-медленным вихрем, сделав предметы смазанными и нерезкими.

– Ну вот, – Валерий Игнатьевич удовлетворенно потер руки. – Если в тебя сейчас стрелнуть, ну, например, из лука, то, скорее всего, стрела пролетит мимо.

От удивления Змей опустил руки. Через секунду вихрь истаял в воздухе, распавшись на серебристые льдинки.

– Скорее всего? – переспросил он, а в голове вдруг всплыло все то, что он когда-либо слышал или читал о магии.

– Ну... – Старик задумчиво почесал затылок. – Вихрик-то ведь так себе. Я бы сказал, бледноватый получился вихрик.

– А пуля? – неожиданно для себя жадно спросил Змей.

– Эх тебя разобрало! – засмеялся старик. – Можно и пулю. Только надо...

Он как-то странно опустил плечи, выдавил из себя низкий клекочущий звук и раскрыл руки в красивом и плавном движении. Не успели руки завершить свой путь, как вокруг него возник тонкий, переливающийся радужными отблесками пузырь. Змей опасно подошел и после непродолжительных колебаний потрогал оболочку пальцем. На ощупь она была похожа на тончайший надувной шар и так же, как шар, колыхалась под тихим ветерком.

– Пулю, говоришь? – ехидно поинтересовался Змей и несильно ткнул в оболочку кулаком. Но неожиданно для него после первых относительно легких сантиметров кулак словно увяз в плотном желе. Он резким движением выдернул руку и уже не раздумывая, ударил в полуповороте с левой. Удар этот, он знал, был способен отправить неподготовленного человека если не в морг, то уж в реанимацию точно. Однако эффект был абсолютно тем же. Он попробовал еще несколько раз, меняя вектора и динамику фокусировки удара, пока не сдался.

– А я так смогу? – безнадежным голосом спросил он.

– Заниматься будешь – сможешь! – твердо пообещал старик и удалился медленной шаркающей походкой.

8

Первым желанием Змея после того, как он частично поправился, было рвануть поскорее в аэропорт. Друзья, подруги и любимая, хотя и опасная работа, манили его, словно шприц старого наркомана.

Но охладил его пыл тот же Валерий Игнатъевич:

– Ну, приехал ты к себе...

– Ну, – недоумевал Змей.

– И поволокли тебя по врачам... – неторопливо продолжал старик.

– Так я ж здоров, как бык!

И Змей радостно потянулся всем телом.

– Не как бык, сынок... – Валерий Игнатъевич склонился к его лицу. – Ты здоров, как дракон. Ты даже маленькой пробы крови не выдержишь!

– Эт почему ж? – недоверчиво покосился Змей.

– Ты дурак или как? – возмутился старик. – Да ты кровь свою видел?!

– Ну, вообще-то не раз... – неуверенно сказал Змей.

– Нож!

Старик требовательно протянул руку, и Змей вложил в нее свой Farben/Sikes, с которым расставался только в постели. Старик ногтем попробовал остроту металлокерамического лезвия и удовлетворенно крикнул.

– Немецкая работа?

– Американская.

– Хорош! Теперь давай свою руку.

Змей неуверенно протянул левую руку, как он полагал, для кровопускания. Предчувствие, впрочем, не обмануло. С кошачьей ловкостью Валерий Игнатъевич схватил его за запястье и коротко полоснул ножом по ладони.

Густая фиолетово-красная жидкость жирным потоком потекла по руке. И не было в этой жидкости ничего человеческого. Даже запах крови был тяжелым, сладковато-серным. Змей потянулся было за платком, чтобы остановить кровь, но рана прямо на глазах стала потихоньку затягиваться.

– У тебя то же самое? – глухо спросил Змей старика.

– Ну, примерно... Только медведь все же земное создание. И по метаболизму, и по структуре он мало чем отличается от человека. А ты...

– А я? – спросил майор.

– А ты до конца своих дней теперь не готов даже к самой халтурной медкомиссии. От твоих анализов у любого аппарата крыша съедет. Чего уж говорить о людях!

– Откуда же все это? – высказал давно мучивший вопрос Змей.

– Если попроще, то Земля – это некий передаточный узел между нашей Вселенной и миром с совсем иными законами. Ты как с компьютерами?

Змей просто кивнул.

– Ну, тогда представь себе, что кристалл, на котором вы живете и называете Землей, – это последний сервер на магистральной информационной линии между нашим миром и мирами Раводо и Абадок. Сюда сходятся информационные потоки из нескольких очень важных мировых узлов. И, в свою очередь, информационный обмен между нашим миром и его изнанкой, чем является мир Раводо, идет исключительно через Землю и ее антипод, планету И-Ринден.

Тот храм, в который ты сдуру залез, является регулировочным узлом этой системы. Как ты выдернул руку из ловушки, я даже не представляю. Может, у тебя фантастическая реакция. Но, скорее всего, это просто случайность. Яд на клыках Охранительного Дракона – это компо-

зитный токсин, схожий по действию с вирусом иммунодефицита. Только, пожалуй, посильнее будет. Родина этого вещества – И-Ринден. Строго говоря, там это не яд, а так, компонента окружающего мира. И, кстати, не самая смертоносная. Для того, чтобы избавиться от всей этой гадости, жители того мира вынуждены время от времени перекидываться в зверье разное, чистку организма устраивать. Ну и не только поэтому. Мир Раводо настолько сложен для выживания, что высшему разуму волей-неволей пришлось обрести способность к изменению тела. Универсальной оболочки там просто не существует.

Давным-давно связь между нашими мирами была куда прочнее. Можно было переходить из мира в мир, и многие этим пользовались. Так появились в нашем мире Драконы и другие полиморфы. Каким-то образом в твоих генах сохранились их осколки. Может, стресс, а может еще что, – старик с короткой усмешкой кивнул на перстень, мерцавший загадочным зеленым светом, – активировало эти гены. Они и выжгли болезнь. Но такой накал невозможно вызвать по своей воле. Это, скорее, вспышка защитных сил организма.

Словом, настоящего оборотня из тебя не получилось и вряд ли получится. Да и зачем? Двухное прямоходящее – одно из самых универсальных существ во всей нашей галактике. Да и хлопотно все...

– Что хлопотно?

– Полиморфизм этот, – пояснил старик. – Скачки лунными ночами, питье свежей крови... Не для тебя все это. Да и драконьи радикалы из крови наверняка потихоньку убывают. Так что ты, мил друг, не сильно радуйся. Земля не место для полиморфов. Хотя, конечно, кое-кто ухитряется жить на Земле в двух, а то и в трех обличьях. К тому же оба мира погрязли в невежестве и пороках, и поэтому почти все каналы между мирами были закрыты. А ведь мы необходимы друг другу! Дополняем жизненно важными компонентами... Так что учись, пока вся черная кровь не вышла. Глядишь, и останется чего!

– А чего от тебя хотели эти чудики в балахонах? – поинтересовался Змей.

– Да того, собственно, и хотели. Переползти в мир Ринден через мой канал.

– Твой чего? – опешил Змей.

– К-а-н-а-л! – как слабоумному по буквам повторил старик. – Я его сторож, или привратник, точнее.

– А на хрена им канал?

– Канал – это не просто власть. Это власть неограниченная. Правда, только в рамках Земли. Ну и еще в паре мест.

– А этот, главный их. Он-то вообще на человека не похож!

Старик-Хранитель поморщился.

– Демон хренов. Вылезли из какой-то задницы. Сильны, как черти, но, слава Создателю, энергетика никакая. Разве что кучей соберутся...

– А как он выглядит, этот канал? Ну, ворота там или что?

– Пойдем. Будешь хотя бы знать, ради чего сражался.

Они поднялись на крыльцо. Подойдя к стене в каминном зале, Хранитель приложил ладони к почерневшей панели красного дерева. Что-то едва слышно скрипнуло. Бесшумно крутанувшись на невидимых глазу петлях, панель отворилась.

Длинный подземный ход, начинавшийся от неприметной стеной панели, был вопреки ожиданию сухим и теплым. Даже воздух сквозил по-летнему сочный. Видимо, ход постоянно продувался. Шли достаточно долго. Насколько Змей мог судить, они уже отошли от дома примерно на двести-триста метров и находились где-то в районе озера.

– Если быть совсем точным, – ответил на невысказанный вопрос старик, – то под озером. Да и не озеро это вовсе. Чаша фокусировки. Вот, для маскировки водой залил.

Еще один поворот. Они оказались у массивной двери. Валерий Игнатьевич вновь прижал руки к двери, но на этот раз пауза была гораздо дольше. Змей мог только предположить, что сейчас считывались куда более тонкие параметры организма.

Резкий щелчок эхом ускакал вглубь коридора. Дверь с тяжелым шелестом поехала в сторону.

Майор с опасливым интересом заглянул через плечо Хранителя и с удивлением увидел лишь пустую комнату. Ну, если быть точным, почти пустую. Точно в центре лежала большая дискообразная черная плита. Вот, собственно говоря, и все. Но по мере того, как Хранитель подходил к плите все ближе и ближе, над ней, словно марево, разгоралось веретено голубого света. Оно пульсировало и вспыхивало пробежавшими по нему сверкающими золотистыми змейками.

– Вот, это и есть канал.

Змей был немного разочарован.

– Красиво, конечно. Но...

– Нет, ты все-таки дикарь! – засмеялся Хранитель. – Как же тебя убедить?

Он легонечко пошевелил пальцами в воздухе.

– Вот ты можешь представить себе место, в которое очень трудно попасть?

– Да зараз! – удивился Змей.

Таких мест он знал множество. От Центра ПВО России в Раменском, до комнат, где располагалась картотека агентур Службы Внешней Разведки или Центра Внутренних Резидентур ГРУ Генштаба. Но в памяти неожиданно всплыли виденные когда-то фотографии Fort-Knox – хранилища золотого запаса США.

Вдруг веретено как-то поплыло. В нем сначала туманно, а потом все четче стали проступать очертания огромной двери. За ней, насколько Змей знал, и располагалось одно из хранилищ золота. Не успел он съязвить по поводу такого громоздкого аппарата для ментосканирования, как дверь стала раскрываться. В поле зрения появилась тележка с крупными желтыми брусками, которую толкали три мужика в форменных комбинезонах с буквами FRS (аббревиатура федеральной резервной системы США). Четкость изображения была такой, что можно было разглядеть даже серийные номера на слитках. Ясно был слышен скрип колес и тяжелое дыхание людей.

– Ну и кино... – промолвил Змей.

– Это не кино, – возразил Валерий Игнатьевич. – Смотри!

Он достал из кармана монетку и бросил ее прямо под ноги одному из мужчин. Громко звякнув, она упала на бетонный пол, подняла фонтанчик пыли и покатила куда-то дальше.

– Fuck off, Benny! – крикнул мужчина куда-то вверх. А потом, переведя взгляд на своих напарников, добавил:

– Let's go, it's does not finish race.

Валерий Игнатьевич вновь что-то сделал руками, и картинка расплылась.

– Да, круто... – почесал в затылке Змей. – А вот этот, Раводо, показать сможешь?

– Это еще проще, – улыбнулся старик.

На этот раз картинка стала четкой мгновенно, словно сдернули покрывало. И несмотря на ее полную ирреальность, первое, что поразило Змея, был запах. Даже не запах, а скорее его предчувствие, тонкое и невероятно изысканное. Это было так приятно, что Змей от неожиданности закрыл глаза. Когда он сделал глубокий вдох и открыл их, перед его взором, полулежа в легком кресле, была девушка такой красоты, что Змей растерянно вдохнул еще. Слегка удивленно девушка смотрела в лицо Змея.

Была в ней такая расслабленная нега, что Змей неожиданно для себя сделал шаг назад, и сияющее облако погасло.

– Да... – ошарашенно протянул Змей. – За такую девку не то что полцарства, а шашку и коня в придачу отдать не жалко!

– А теперь смотри.

Старик вновь как-то повел в воздухе рукой, и Змей увидел то самое здание, где располагалась его любимая Контора. Только вместо вывески «Чегототамснабсбыт» на нем красовалась черная полированная доска, на которой золочеными буквами значилось гордое имя Лохобанка. И ни одного знакомого лица, ни одного гвоздя! Контора словно никогда и не существовала. Изображение сменилось еще несколько раз. Из всех знакомых Змею опорных точек один «Аквариум» на Ходыньском поле стоял твердо, словно монолит.

– Все еще не передумал возвращаться? – ехидно поинтересовался Хранитель и, отвечая на немой вопрос, добавил: – Правитель ваш после очередной смуты так от страха обосрался, прости Господи, что повелел самых страшных имперских волков разогнать по домам, словно деревенских шавок.

– Да как же это... – не в силах переварить увиденное, Змей тупо уставился в пол. Все, что создавали многими столетиями кропотливого труда лучшие умы великой, действительно великой Империи, пустить прахом?!!

– Водка и деньги, сударь, еще никому мозгов не прибавляли, – безжалостно вынес вердикт Хранитель. – А этот и последнего разума лишился.

– И куда же я сейчас?

– А хочешь – здесь оставайся, – просто предложил старик. – Будешь новым хранителем? Змей промолчал. А старик только улыбнулся устало и немного грустно.

– Конечно, такая жизнь пока не по тебе, – тяжело вздохнул он. – Ладно. Я вроде твой должник, а долги надо отдавать.

– Ну и как ты мне поможешь? – еще не веря, спросил Змей.

– Иди-ка ты в дом, воин!

И не терпящим возражений жестом отправил Змея назад.

Через два часа, когда Змей заканчивал заниматься во дворе, из дома донесся довольный окрик старика:

– Эй, кончай руками махать, колдун недоделанный! Давай в дом.

Тонконогий изящный столик в гостиной просто ломился от огромной кучи барахла, которую навалил на него Валерий Иванович.

– Так. Здесь твой новый паспорт и документы. Все подлинное. Несчастный, не имевший ни близких друзей, ни родственников, утонул третьего дня во славном городе Твери.

Цени. Лицо, рост и комплекция почти твои. Ну, комплекция – ерунда. А вот лицо просто не отличить. И самое главное – нигде не засвеченные отпечатки пальцев.

Змей рассматривал все это богатство, не веря своим глазам.

– Все очень просто, – пояснил Хранитель. – Ты, наверное, знаешь, что все человеки сделаны по крайне ограниченному количеству моделей. Кому-то даже в жизни везет встретить своего полного двойника. Но ты вряд ли знаешь, что двойников этих не два и не три. И учитывая то обстоятельство, что каждый день десятки тысяч людей уходят в последний путь, нам оставалось только дожидаться, когда нужный нам клиент откинет лапы.

– Дак ведь Тверь за... – Змей замолчал, высчитывая количество тысяч километров, отделяющих этот дом от города, где скончался этот несчастный без друзей и родственников.

– Помнишь, я говорил тебе, что Канал, или Врата, если хочешь – это неограниченная власть? Так вот, с помощью Врат можно не только перетащить такую вот ерунду, – он показал старческой дланью на документы, – но и создать из ничего что-то.

Вытряхнутые из объемистого пластикового мешка на свободный участок стола одинаковые зеленоватые пачки совершенно не впечатлили Змея, видевшего североамериканские доллары исключительно в штучном варианте и в купюрах мелкого достоинства.

– Ты ведь кубышки не скопил?

Утверждение это было настолько недалеко от истины, что спорить было глупо. Русский офицер и служащий получали примерно одинаково. Как раз столько, чтобы не подохнуть с голоду. И демократы вслед за большевиками только упрочили эту традицию.

– Здесь что-то около полумиллиона, – и отменяя всяческие возражения Змея, добавил: – Бери-бери. Я, если надо, себе еще миллиард нашлепаю!

– Так это фальшивые?

– Беспokoишься о финансовом благополучии вероятного противника? – подколот старик. – Не бойсь, не фальшивые.

Он точным движением выдернул одну купюру из пачки и поднес ее к глазам.

– Лучше настоящих. Даже Федеральный Резервный Банк не отличит. Кроме того, я заменил твои отпечатки во всех базах данных на пальчики покойника. Лишние хвосты, я думаю, ни к чему.

Прошло еще несколько месяцев. Драконья кровь вопреки ожиданиям вовсе не желала покидать тело Змея.

Все состояния полиморфной ипостаси давали себя знать и в значительно ускоренной моторике мышц, и в некоторых структурных изменениях тканей. Еще в теле поселилось замечательное умение накапливать энергопотоки и управлять ими. Болезнь, сожженная в том памятном бою, более не напоминала о себе, кроме как легкой тошнотой и головными болями по утрам.

Но в целом он был здоров и потихоньку начал собираться в дорогу.

9

Возвращение в жизнь было довольно хлопотным делом. За те два года, которые Змей провел в доме Хранителя, многое изменилось. Теперь за его спиной не стояла всемогущая организация, и о себе нужно было заботиться самому. Впрочем, при таком количестве денег это было скорее приятным, нежели обременительным делом.

Змей поехал в город, «чтобы уточнить диспозицию». В областном центре он пробыл недолго. Лишь убедился, что ни один из телефонов его прежней жизни не отвечает, похлебал какой-то бурды в привокзальном ресторане, разменял несколько зеленых сотенных купюр на рубли да купил билет на самолет.

Рейс был только на послезавтра, и поэтому Змей спокойно отправился обратно, надеясь без спешки проститься со стариком.

10

Дым, стелющийся над тайгой, был обычным явлением в это время года. Поэтому Змей, даже не заподозрив ничего худого, катил по плотно утрамбованной лесной дороге, погрузившись в свои мысли. И даже перед домом он не сразу понял, что произошло. А поняв, выкатился из машины на ходу, сорвав замок, и скользящим шагом побежал к развалинам. Труп волка он нашел сразу. Серый брат, распалосованный когтями, был холоден, словно лед. А Валерия Игнатьевича он обнаружил только на краю огромной обугленной воронки, которая еще утром была озером.

Хранитель был еще жив, когда Змей бережно поднял его голову и положил себе на колени.

– Видишь, как вышло-то...

Слова давались Хранителю с трудом, и он постоянно замолкал, чтобы отдышаться.

– Суки эти... не успокоились. – Он вновь замолчал. – Но Врат им не получить. Я... успел взорвать... Озеро вот погубил... Жаль. Я только не успел...

Он закашлялся и захрипел, потом собрался и, глядя своими пронзительно синими глазами прямо в лицо Змею, ясно и внятно прошептал:

– Это воины Тьмы. Не успокоятся твари, пока не получат свое...

Он снова закашлялся, тело его выгнулось дугой и словно опало. И уже сквозь смерть, застилавшую ему веки, Хранитель произнес громко и ясно:

– Дождись Зарги.

Змей мягким движением провел по мертвому лицу Хранителя, закрывая глаза, и тихо прошептал:

– Покойся в мире.

Он похоронил Валерия Игнатьевича и волка на холме, на котором любил сидеть и смотреть на заходящее солнце. Потом еще пару дней он разбирал завал, разыскивая свои вещи и документы, сделанные Хранителем. И уже после того, как все дела были сделаны, ночью, когда он ворочался, пытаясь уснуть в уцелевшей части дома, его разбудило тонкое пение колокольчиков. Проснувшись, он подумал, что вернулись воины Тьмы, и оделся, готовый к последнему бою.

Нисколько не опасаясь, он вышел в темноту и пошел на звук. Мягко, не потревожив ни единого листика или травинки, он скользил по ночному лесу так, как учили его Старик и Волк, отдавшие свои жизни за превращенный в руины какой-то там канал, гори он синим пламенем.

Верхушка холма, превращенного в курган, светилась бледно-голубым светом. Четверо высоких людей могучего телосложения стояли вокруг могил, сомкнув руки, и монотонно напевали одну и ту же фразу на незнакомом майору языке. Затем они воздели ладони к небу, из холма вверх ударил яркий луч изумрудного сияния, и все стихло.

Змей стоял тихо, как мышь под веником, не двигаясь и даже дыша через раз. Но, судя по всему, его заметили.

– Подойди ближе.

Голос, казалось, прозвучал в его голове. От неожиданности Змей вышел на склон и несколькими шагами поднялся наверх.

– Виден ли Свет во тьме? – тихо, но внятно произнес один из четверых.

– Определен ли путь Света? – спросил второй.

– Ясен ли выбор Света? – подал голос третий.

– Светел ли дух избравшего? – сказал четвертый, и все вокруг стихло.

И совсем другой, мягкий, но мощный, словно рокот надвигающегося тайфуна голос, шедший буквально отовсюду, произнес:

– Ты честно сражался в чужой битве. Что хочешь ты в награду?

Змей помолчал. Деньги его давно уже не интересовали. Просветление – это скорее процесс, нежели результат. А потом твердо и ясно, словно эта фраза была готова уже давно, сказал:

– Знаний. – И, помедлив буквально секунду, добавил: – И рассчитаться за хранителей.

Высокий широкоплечий старик немного постоял молча, вздохнул, а затем, подняв руку вверх, раскрыл кисть, и из каждого пальца веером ударили тонкие, будто спицы, лучики золотого сияния.

– Будет так.

Он медленно опустил руку на уровень груди, лучики из пальцев скрестились, и в ладони его майор увидел мягко пульсирующий шарик бледно-голубого света.

Затем каждый из стоящих сотворил такой же шарик, только разных цветов. Переливающиеся всеми оттенками своего цвета шары повисли в воздухе и медленно поплыли навстречу друг другу, а слившись, образовали одну сферу, нестерпимо ярко горевшую белым светом.

– Знание, Сила, Честь и Добро даруют тебе Знание и право Суда.

Вдруг все вспыхнуло ослепительной вспышкой белого света и пропало.

11

Проснулся Змей от неприятной ломоты во всем теле. Вчерашний сон стоял перед глазами, словно кадры из фильма. Он подошел к бочке с дождевой водой и плеснул воды в лицо. И словно граната, в голове вспыхнул и замелькал мириадами граней немислимый шар. Каждая его грань была полна знаниями, но не сухими столбцами текста, а такими, словно Змей их пережил лично, полными красок и запахов. Тут было все: история мира, народов и религий. И даже его родовая память тоже была здесь. Тугая тетива лука, поющая под набегающим ветром, и вороной жеребец, уносящий от настигающей орды. Десятки тысяч книг, языки и обычаи народов живых и ушедших, но, самое главное, вся информация о картине мира и роли астральных хранителей или Защитников мира «Земля». Победы и неудачи, дни мира и войн, враги и друзья – все было здесь. Запретный язык, словами которого звучали страницы тайных трактатов, и сами книги, повествующие о войне, древнем искусстве магии и прочих любопытных вещах. Иерархия «верхнего» мира и структуры «среднего» и «нижнего». Даже простое перечисление всех разделов могло составить огромный том.

Но самым главным подарком неизвестных Змею была полная память обо всех предыдущих перерождениях, каковых оказалось на удивление много. Известные и не очень люди, коллизии пережитых историй, накопленные навыки и опыт. Любовь и ненависть. Величайший груз и огромное счастье обретения утерянных жизней.

Не доверяя озарениям, он тщательно перебирал всю информацию по крупинкам и заучивал снова, дабы не потерять ничего из самого ценного в мире – Знания. Сначала быстро, чтобы только зафиксировать опорные точки, а потом все более и более тщательно, пока не начинала трещать голова, переполненная информацией. И все равно огромные ее куски таяли, словно лед на солнце. Но и того, что оставалось, могло хватить на сотни лет размышлений.

И уже закончив ревизовать свои новые сокровища, Змей понял, в какую ловушку угодил.

Не бывает абстрактного знания. Каждое несет в себе не просто особый эмоциональный настрой, но и позиционирует определенным образом носителя этого знания по отношению к миру.

Все, что получил Змей, не только жестко и однозначно определяло его сторону в этой битве. Обладая обостренным чувством справедливости и крайне мстительным характером, он не мог оставаться сторонним наблюдателем, и, естественно, вступал в драку. И *Ipso facto*, становился одним из Защитников мира «Земля». Конечно, стоило бы покопаться поглубже, чтобы разобраться со всем этим хозяйством, но, к сожалению, времени на это совершенно не было.

Круг второй. Прелюдия

Грязный переулок между заброшенными домами и сияющим неоном и фарами машин проспектом.

Людей в столице государства Российского было так много, а воздух, камни и дома настолько пропитаны эмоциями и мыслями живых и живших ранее людей, что он просто сбегал в первый попавшийся дворик, чтобы привести в порядок растрепанные чувства. Помойка, крысы и мокрая от дождя скамейка. Змей несколько раз вздохнул, погружая тело в расслабленное состояние безмыслия, и только почувствовав, как отпускают его невидимые щупальца, осмотрелся. В самом дальнем углу двора, у стены полуразрушенного нежилого дома стояла небольшая группа людей в блестящих кожаных плащах. Стояли они молча, и их расслабленно-угрожающие позы в принципе могли бы насторожить и самое безмятежное существо. Но Змей не хотел сейчас никаких скандалов. Он успокоительно поднял руки и уже направился к выходу со двора, когда вслед ему донеслось свистяще-шелестящее слово. В том, что это было именно слово, а не просто звук, Змей не сомневался. Что-то смутное забрезжило в памяти, а когда через долю секунды услужливая память высветила, словно серию слайдов, дворик перед домом Хранителя, черные плащи и окровавленное тело у дымящейся воронки, Змей, не раздумывая, развернулся и пошел легким скользящим шагом в сторону воинов Тьмы...

1

Рубиново-красный луч, рассекший воздух прямо над ухом, не давал слишком много времени на размышления. Я ушел под защиту реликтового мусорного бака, вросшего в шербатый асфальт, и затаился, выравнивая дыхание после невероятного кульбита и жесткого приземления. Вторая серия пришлась точно по баку, и вокруг отчетливо завоняло горелой помойкой. Если срочно не предпринять что-нибудь, буду я, любимый, подан им в собственном соку и с помоечным соусом. Или с гарниром?

Верхнее зрение выдало на сетчатку глаза расположение атакующих и примерную оценку вооружения. Получалась картина средней степени паршивости. Четверо. Двое с пехотными лазерами или чем-то подобным и один с автоматом «Вул». Неизвестно, что хуже. Один без оружия и вроде не двигается. Командир, что ли? Ладно, сдохнуть не сдохну, но энное количество часов на восстановление оболочки точно понадобится. А этого времени у меня, кстати, может и не быть. Неизвестно, смогу ли я регенерироваться. Еще ведь не пробовал...

Тонкое пение набирающего обороты генератора лазера прервало мои раздумья. Мгновенным движением я вынырнул из-за мусорного бака и, спрессовав пространство между собой и врагом, смял его физическую оболочку, словно бумажный пакет, и вспорол все энергооболочки, рассеивая их в пространстве. Остальные тут же окутались едва заметной голубоватой дымкой. Не желая сдаваться на милость врага, они оцетинились короткими, но от этого не менее смертоносными щупальцами. Продолжая движение, я взлетел на несколько метров вверх, выдернул «беретту», воткнул шесть пуль веером и, перевернувшись, шлепнулся, как большая жаба, на брюхо, лишь слегка смягчив падение локтями и коленями.

Я, конечно, вовсе не маг, но мои оппоненты этого не знали и защищались от меня как от мага. Но пуля 44-го калибра – это просто кусок металла, летящий с весьма приличной скоростью. Так что их защитные штучки им не помогли.

Четвертый сейчас должен был биться в судорогах от ужаса, зная, что ему предстоит долгий и неприятный разговор и скорая гибель. Наверное, это и должен чувствовать почти бессмертный человек, знающий, что его очень скоро не станет.

Я поднялся и, шагнув вперед, вдруг понял, что он совсем не боится! То есть страх есть, но какой-то другой. Подойдя еще ближе, я обнаружил обычного человека, причем связанного дважды. Моей «Тонкой Сетью Ардаро» и чужим, на редкость примитивным и грязным заклятием «Бурхи».

Скорее всего, это был просто человек, оказавшийся в плохом месте в плохое время. Его светло-серый плащ и темно-серый в синюю полоску костюм, несмотря на грязные разводы, совсем не гармонировали с помойкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.